

**СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО
И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ**

О. С. Гайко

Национальный институт стратегических исследований, г. Киев, Украина

MODERN STATE AND CRISIS OF LIBERAL MODEL OF DEMOCRACY

O. S. Gaiko

National Institute for Strategic Studies, Kiev, Ukraine

Summary. The process of formation, evolution and crisis of the modern nation-state and democratic institutions is analyzed. Considerable attention is paid to the factors that led to the formation and caused the crisis of modern state institutions.

Key words: the nation-state; democracy; liberalism.

Современное национальное государство переживает системный кризис, который не может быть объяснён феноменом глобализации, увеличением мобильности капитала или установлением мирового порядка в виде современной Империи (как это делают А. Негри и М. Хардт [12], работы которых представляют радикальный левый ответ неолиберальному мейнстриму). Речь идёт о более фундаментальной трансформации государств современного типа, которая заключается в следующих моментах:

– потеря конкурентных преимуществ (эффективное изъятие ресурсов, ведение войн и массовая мобилизация населения) национальным государством из-за его распространения по всему миру в XIX–XX в.;

– изменение природы войны в результате появления у целого ряда стран ядерного оружия и в связи с завершением «холодной войны». Современная война, по преимуществу, сводится к миротворческим миссиям «распространения демократии» в страны третьего мира и борьбы с терроризмом, что реализуется через наделение спецслужб значительными полномочиями и частичным ограничением конституционных прав граждан;

– передача контроля над целым рядом государственных функций (образование, медицина, инфраструктура, монопольные предприятия стратегического значения и т. д.) частным компаниям.

Положение осложняется тем, что параллельно происходит кризис либеральных демократических институтов, которые интегрированы в саму модель национального государства. А попытки вывести демократические принципы из сферы деятельности национального государства (в виде прав человека) сталкиваются с противоречием между принципами суверенитета и принципами прав человека и невозможностью реализовать гражданские права вне сферы национального государства. Другая сторона проблемы заключается в том, что современные демократические институты представляют механизм для легитимации политической власти и не способны отображать реальные настроения в либерально-демократических обществах.

В данной работе предпринимается попытка очертить политическую морфологию современных демократических и государственных институтов стран либеральной демократии в контексте совокупности кризисных явлений, которые препятствуют эффективному функционированию политических институтов.

Механизм формирования государств современного типа (национальных государств) отображён в работах представителей вебериянской традиции в рамках военно-налоговой теории происхождения государства (Ч. Тилли [10], У. Мак-Нил [7]) и работах представителей политического марксизма (П. Андерсон [1], Б. Тешке [9]).

На пересечении марксистской и вебериянской традиции строит свои взгляды Р. Лахман [6], который представляет трансформацию европейского политического пространства Нового время как совокупность патовых ситуаций, заставляющих политическую элиту приспособляться к существующим структурным изменениям.

Кризис идеи самого государства в контексте невозможности выполнять взятые на себя обязательства представлен в работах М. Кревельда [5] и К. Крауча [4]. В случае с К. Краучем речь идёт о левой критике реализации неолиберальных принципов.

Неэффективность институтов современной либеральной демократии представлена в работах Ю. Хабермаса [11]. В её основе находится дихотомия системы и жизненного мира, как определяющая черта стран «позднего капитализма». Альтернативную, по отношению к Ю. Хабермасу, линию представляет левое крыло политической теории, которое находится под влиянием К. Шмитта (Ш. Муфф [18; 19], Э. Лаклао [18], Ж. Рансьер [8]) с его противопоставлением политического и либерализма.

Появление и распространение государств современного типа

Революция в военной сфере XV–XVI вв. (которая детерминировала появление массовых армий и подорожание ведения войны) и постепенное ослабление феодализма в Западной Европе (в результате кризиса XV в.) запустили механизм распада Священной римской империи, который был юридически зафиксирован только в 1806 г. Выходом из сложившегося кризиса было переформатирование политической структуры, которое установило абсолютистские политические режимы. По мнению П. Андерсона, абсолютизм представляет собой реакцию аристократии на «чёрную смерть» [1]. Укреплению абсолютизма способствовало два идеологических корпуса знания – меркантилизм и *ratio status* (в русском языке нет, в виду отсутствия подобной политической традиции, однозначного перевода термина *ratio status*; часто его переводят как национальный интерес, или государственная мудрость). Меркантилизм и *ratio status* акцентируют внимание на территории, которая рассматривается как владение суверена, позднее в работах И. Альтузия и Ж. Бодена принцип территориальности, в противовес универсалистскому проекту Империи, реализован в идее суверенитета. Таким образом, меркантилизм и *ratio status*, а позже суверенитет, формировали и обосновывали принцип *rex in regno suo est imperator* (король в собственном королевстве является императором) и пытались выработать рационально-обоснованные законы управления территорией и населением.

В отличие от традиционной феодальной сеньории, которая образовывала феодальную иерархию, базирующуюся на вассальных отношениях, абсолютистский суверенитет разрывает существовавшую феодальную пирамиду и становится в рамках определённой территории верховной властью, объединяя в лице абсолютистского правителя экономику и политику [1; 9]. Внешняя и внутренняя угроза подталкивали режимы к увеличению численности армий, эффективному изъятию ресурсов для ведения войны и формированию рациональной внутренней политики. Основные источники выживания государства в условиях внешних угроз – принуждение и ресурсы. Ч. Тилли выделяет три типа государств в Европе в рассматриваемый нами период:

- страны с интенсивным принуждением (Россия, Польша);
- страны с интенсивным капиталом (итальянские города-государства);
- страны с интенсивным принуждением и интенсивным капиталом (Франция, Англия) [10].

В дальнейшем страны, соединяющие интенсивность принуждения и капитала, оказались наиболее эффективными в плане ведения войны и извлечения ресурсов. Именно эти страны эволюционировали в национальные государства и вытеснили альтернативные политические образования. Такой подход даёт нам объяснение исчезновения Польши (являвшейся аристократической республикой) с политической карты мира и экономический упадок когда-то влиятельных итальянских городов-государств, которые были в прошлом мощнейшими центрами торговли. Следуя указанной логике, появление современных государств не является необходимым и обязательным следствием распада феодализма. Скорее, это исключение из общих правил, которое стало возможным в силу удачного стечения обстоятельств на небольшой территории Западной Европы (политико-экономическая структура подобная европейскому феодализму наблюдалась в Японии, что объясняет её выигрыш, в отличие от Индии и Китая, от интеграции в капиталистическую систему в XIX в.).

Победа абсолютизма в борьбе с претензиями на власть аристократии (что отчётливо видно на примере Франции) усилила процесс централизации и бюрократизации страны для успешного решения проблемы война/ресурсы, что привело

к усилению буржуазии, получающей прямые привилегии от увеличения полномочий государства. Централизация пыталась оторвать население от привычной среды обитания (в которой функцию посредника и регулятора конфликтов выполняли религия, традиция, семья) и старалась поместить в сферу действия суверенного закона, обеспечивающегося деятельностью специально созданного института – полиции. В дальнейшем буржуазия не удовлетворяла занятая ею ниша, которая ограничивала возможность действия. Недовольство буржуазии подогревала практика продажи государственных должностей знати, что служило источником обогащения и усиливало влияние дворянства. Воспользовавшись конфликтом между аристократией и духовенством, буржуазия, при поддержке крестьянства, активизировалась, что привело к Великой французской революции. Целый ряд относительно недавних исторических исследований на тему абсолютизма (например, работы Н. Хеншелла [13]) показывают, что вопреки представлению о всевластии абсолютистских режимов, которое было сформировано в Новое время, возможность вмешательства абсолютной монархии в целый ряд сфер была ограничена. А частная сфера граждан, по сути, была автономной, находясь в компетенции религии и традиции.

В результате ликвидации абсолютизма место абсолютистского правителя занимает нация. В дальнейшем суверенитет непосредственно связан с нацией, что вызвало необходимость создания институтов, в которых группа лиц принимала решения от имени нации. Установление национального суверенитета не ослабило, а значительно усилило процесс централизации и вмешательства суверенной власти во внутренние дела граждан: служба в армии, здравоохранение, образование, постоянное увеличение налогообложения (в этом контексте интерес вызывают не столько работы М. Фуко с его разоблачением дисциплинарных практик общества Модерна, сколько работы Н. Элиаса [3; 17]).

После наполеоновских войн модель национального государства распространяется по всему миру. На сегодняшний день политическая карта мира представляет совокупность национальных государств (кроме несущественных исключений).

Формирование демократических институтов

Современные демократические институты по своей сути являются буржуазными институтами возникшими в начале XIX в., которые распространились в начале XX в. практически на всё население государств в Западном мире. Как мы выяснили в предыдущей части работы, возникновение демократических институтов связано с усилением, а позднее победой буржуазии, обусловленной процессом извлечения ресурсов и постоянных военных кампаний, проводимых государством (более детально эта проблема описана Ч. Тилли [10]). В начале XIX в. идеологией буржуазии становится либерализм, который противостоит аристократии, а с 1830–1840-х гг. – демократии (отождествлявшейся в этот период с реакционными силами).

Индустриализация и развитие экономик (локомотивом экономических преобразований была Англия) интенсивно изменяли структуру общества, разрушая существовавший традиционный уклад и помещая рабочих (бывших крестьян) в совершенно новый социальный механизм, который не воспроизводил привычные для бывших крестьян институты. Масштабность событий, в плане реорганизации социального пространства, чётко прослеживается на примере роста городов и перемещения населения в данную эпоху. При таких условиях крайне ограниченный доступ к либерально-буржуазным институтам не мог существовать и дальше, поскольку общества буквально разрывались недовольством социальных групп, которые не могли быть представлены буржуазными политическими институтами. После завершения Первой мировой войны (мобилизовавшей беспрецедентное количество населения) политические институты окончательно становятся массовыми.

Классические работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Моска и В. Парето, в той или иной форме, исходят из представления, что рамки буржуазных политических институтов не предназначены для широких социальных слоев, а изменение социальной структуры вызывает необходимость реформирования этих институтов и самого понятия демократии. Так, М. Вебер обосновывает эмпирическое (инструментальное) понимание демократии, которое позднее развил Й. Шумпетер,

перенесены принципы рыночной экономики в политическую сферу, вводя типы легитимности и противопоставляя бюрократию и харизматическое лидерство.

В контексте вышеизложенного необходимо рассмотреть отношение к либерализму К. Шмитта. Его критика парламентаризма (традиционно буржуазного института) не сводится к простому не восприятию либерализма, а содержит два принципиальных момента:

- парламентаризм был эффективным институтом, пока сохранялось иллюзия того, что делегаты представляют не свои интересы, а выражают волю нации;
- либерализм по своей сути не способен мыслить в критериях политического (друг/враг), что приводит к ликвидации крайних позиций и делает невозможным принятие политического решения. То есть, либерализм подменяет политическое решение постоянными политическими дискуссиями и выводит из сферы политического и демократии реальный конфликт с дихотомией друг/враг [14; 15].

Таким образом, политическое, не имея собственного субстрата, существует как мера интенсивности конфликта с дихотомией друг/враг. Вынесение конфликта за границы политического (нейтрализация политического) не означает отсутствие конфликта, скорее, речь идёт о том, что конфликт переносится в другую сферу, которая содержит формы неравенства (например, экономика) [16].

Сегодняшнее состояние демократических институтов и государства

Основные проблемы современных демократических институтов и национальных государств формируются после Второй мировой войны в результате распространения американской корпоративной модели и кейнсианства на страны западной Европы (данный процесс детально описан Д. Арриги [19]). В середине XX века распространяется агрегативная модель демократии (Й. Шумпетер) которая исходила из того, что политические проекты ориентированы не на концептуализацию собственного видения социальных проблем и выработку стратегии их реализации, ища поддержки у граждан, разделяющих подобные взгляды, а на получение максимального количества голосов. В результате такого подхода конфликт и противостояние идей не находили места в политической сфере, поскольку партии стремились предлагать обтекаемые политические взгляды, разделяемые значительной частью избирателей. То есть агрегативная модель демократии воплощала либеральную трактовку политического, что привело к исчезновению принципиальной разницы между различными идеологиями (которые выражали позицию, максимально приближенную к центру, выступали за популярные социальные программы). Успех партий определялся не столько взглядами и идеями организаций, сколько применением политических технологий, что приводило к удорожанию проведения избирательных компаний и подталкивало политические организации к сотрудничеству с крупным капиталом.

Государство в кейнсианской модели выполняло роль посредника между населением и капиталом, предоставляя различные социальные программы, поддерживая деятельность профсоюзов. Такая забота государства о гражданах была обусловлена «холодной войной», в которой речь шла не только о военной угрозе, но и о гарантиях социальной защиты, предотвращающих вероятность проявления общественного недовольства существующей политической системой.

К 1970-м гг. воспроизводство кейнсианской модели несло ощутимые издержки, как для капитала, так и для политической элиты. Экономический кризис в капиталистической системе подтолкнул к весьма радикальному демонтажу существующей социально-экономической модели, что привело к существенному усилению позиций корпораций, сокращению ряда социальных программ, перенесению производств в страны третьего мира, раздуванию финансового сектора. То есть, на смену политике кейнсианства пришла политика неолиберализма. Особенностью неолиберализма является упрощение роли государства как посредника между населением и капиталом. Происходит процесс сливания государства и капитала. Политика превращается в совокупность бюрократических процедур, которые ориентированы на получение поддержки со стороны избирателей тех решений, которые принимаются в интересах политической и экономической элит. Разграничение между ними постепенно стирается. Таким образом, степень вмешательства

государства во внутренние вопросы граждан увеличивается (например, ювенальная юстиция, антитеррористическое законодательство), но государство уступает позиции корпорациям, как в принятии политических решений, так и в постепенной приватизации традиционно государственных функций.

Завершение «холодной войны» привело к распространению капитализма практически по всему миру, что формирует новую проблему – невозможность дальнейшего расширения капитализма, для которого характерно экстенсивное развитие. Кроме того, с завершением холодной войны, изменением самого характера войны и появлением новых технологий исчезает необходимость мобилизации значительного числа населения и поддержания целого ряда государственных институтов, которые и были созданы из необходимости формирования массовых национальных армий в условиях войны.

Подводя итоги, важно отметить, что кризис демократических институтов и национальных государств связан с потерей необходимости поддерживать довольно громоздкие, дорогие и не удобные для политических/бизнес элит институты в условиях изменения самого характера войны. В такой теоретической перспективе можно совершенно в новом свете осмысливать положение ряда постсоветских государств, логика развития которых не может быть внятно объяснена с помощью привычной неолиберальной дихотомии демократия/авторитаризм. По всей видимости, мы наблюдаем процесс демонтажа государственных структур, сопровождающийся приватизацией целого ряда государственных секторов, что приводит к появлению рентоориентированной элиты, которая соединяет в себя экономику и политику.

Библиографический список

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 512 с.
2. Арриги Д. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
3. Еліас Н. Процес цивілізації. Соціогенетичні і психогенетичні дослідження. – К. : Видавничий дім «Альтернативи», 2003. – 672 с.
4. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. – М. : Издательский дом «Дело», 2012. – 272 с.
5. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
6. Лахман Р. Капиталисты поневоле : конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. – М. : Территория будущего, 2010. – 456 с.
7. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с.
8. Рансьер Ж. На краю политического. – М. : Праксис, 2006. – 240 с.
9. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М. : Изд. дом. гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
10. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 360 с.
11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.
12. Хардт М., Негри А. Империя. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
13. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени. – СПб. : Алетейя, 2003. – 272 с.
14. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 6 – 16.
15. Шмитт К. Политическая теология. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
16. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.
17. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
18. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy. – London; New-York : Verso, 2001. – 297 p.
19. Mouffe Ch. On the Political. – London; New-York : Routledge, 2005. – 144 p.

© Гайко О. С.